

НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЗАВИСТИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Рассматривается мимическая составляющая невербальной концептуализации эмоции зависти в русской лингвокультуре. Выделяются основные компоненты мимического стереотипа зависти, на материале художественных текстов анализируются и систематизируются способы и средства их языковой репрезентации.

Ключевые слова: *концептуализация эмоций, невербальная концептуализация, мимика, мимический стереотип, кинема.*

В последние годы в фокусе многих лингвистических исследований находится концептуализация различных явлений жизни человека (см.: [1–3]). В процессе исследования концептуализации деструктивных эмоциональных состояний гнева/ярости, ненависти, зависти, ревности становится ясно, что в языковой картине мира в плане репрезентации данных эмоций представлено в основном отражение невербальных процессов: физиологических, сопровождающих переживание эмоции (повышение температуры, давления, нарушение точности восприятия и др.) и сопряженных с ними физических проявлений эмоции (нарастание физической активности, выражения лица, жестики и прочие). Мы полагаем, что вербальная концептуализация деструктивных эмоций представляет собой в первую очередь языковое отображение их невербальной концептуализации, которая связана как с лицом, так с другими частями тела человека. Кодирование экспрессии есть невербальная концептуализация переживаемых чувств и эмоций в рамках определенных правил, характерных для ситуации общения. Оно включает в себя усиление с помощью определенного кода выражения испытываемой эмоции, выражение эмоции в соответствии с нормами поведения в данном социуме (даже если при этом субъект не испытывает соответствующих эмоций), а также при необходимости маскировку одной эмоции другой с помощью экспрессивного кода [4, с. 53]. Мы разделяем мнение Г. Е. Крейдлина о том, что невербальная концептуализация эмоций связана в большей степени с лицом, ибо из трех основных функций лица (эмотивная, коммуникативная – передача адресату определенной информации и отражение межличностных отношений; регулятивная – контактоустанавливающая и контактоподдерживающая) главной выступает эмотивная, т. е. функция выражения эмоций [5, с. 165]. Именно мимика была первой областью невербальной коммуникации, которая подверглась систематическому изучению. Лицо постоянно находится в поле зрения партнера по коммуникации, что, несомненно, повлияло на формирование и развитие мимического репертуара человека в филогенезе. Задачей данной статьи, таким образом, является из-

учение мимического стереотипа зависти в русской лингвокультуре как важнейшего компонента невербальной концептуализации данной эмоции. Материалом послужила выборка описаний мимических проявлений зависти из *Национального корпуса русского языка*, а также художественных и публицистических текстов в количестве 582 примеров.

В отличие от мимики гнева/ярости/ненависти, которая хорошо описана в научной литературе (благодаря, в первую очередь, своей дискретности) и, соответственно, хорошо отражена в художественной литературе, мимика зависти представляет собой в достаточной степени размытое явление. Здесь уместно упомянуть работу психолога А. Г. Асмолова касательно возможностей фиксации и кодирования невербальных компонентов коммуникации. Ученый считает, что «невербальная коммуникация является преимущественно *выражением смысловой сферы личности*. Она представляет собой *непосредственный канал передачи личностных смыслов*» (курсив наш. – Я. В.), что объясняет ряд интересных, но в целом безуспешных «попыток создания кода словаря, дискретного алфавита языка невербальной коммуникации» [6, с. 370]. В исследованиях по степени осознанности процесса кодирования коммуникативных интенций показывается, что для моделирования невербального поведения необходимо знать о чувствах партнера и типе социальной ситуации, о том, насколько значим собеседник в контексте достижения поставленных целей, об особенностях переживания прошлого опыта общения с тем человеком, которому адресуется невербальный код. Делается вывод, что «элементы невербального поведения, экспрессии могут сознательно выбираться с целью построения сообщения, но в структуре кода всегда будут находиться элементы, степень осознания которых заметно различается» [цит. по: 4, с. 57–58]. Эмоционально-когнитивный комплекс зависти является хорошей иллюстрацией к данному положению. Когнитивный компонент зависти позволяет тщательно скрывать ее внешние проявления, что соответствует нормам социума, не одобряющего данных проявлений. В процессе исследования нам не удалось найти полного научного описания мимических

компонентов зависти подобного существующему для гнева / ярости. Имеется достаточно много так называемых практических рекомендаций для опознания завистника, включающих описания некоторых мимических компонентов. Так, видеокурс «Школа правды» предлагает следующий набор мимических жестов для опознания завистника: прищуренный взгляд, морщинки на спинке носа, поддельная, неестественная улыбка («лжерадость»), ухмылка или усмешка [7]. Но ни один из указанных мимических компонентов не может быть показателем зависти ни сам по себе, ни даже вместе с остальными: наморщенный лоб, прищуренные глаза вполне могут быть интерпретированы как мимические компоненты гнева или презрения (см.: [4, с. 322–324]). «Прищуренный взгляд» может быть истолкован очень широко: внимание, сосредоточенность, презрение, злость, ненависть, печаль и т. п. Приведем несколько примеров.

На экране возник портрет Альберта Эйнштейна, задумчивый, тихий, с глубокой мировой печалью в прищуренных добрых глазах (А. Проханов. Господин Геккоген).

За рулем сидел высокий человек, чьи чуть прищуренные глаза за стеклами очков выражали сосредоточенность (М. Рыбакова. Паннония).

И уже у кассы девушка вдруг обернулась и с ненавистью посмотрела прищуренными глазами на Натку, презрительно скривив губы, и Натка выдохнула то, что давно уже знала: «Юлька!» (С. Василенко. Звонкое имя).

Петухов попробовал силой интеллектуального анализа, прищурив один глаз для концентрации мысли (А. Слаповский. День денег).

Ухмылка или усмешка могут трактоваться как проявление презрения, поддельная / неестественная улыбка может быть вызвана причинами, далекими от зависти (например, многих русских раздражает неестественная этикетная «поддельная» улыбка американцев, которые улыбаются всем, политиков и т. д.). В популярной Интернет-игре «100 к 1» на вопрос «Какое чувство нельзя выразить мимикой?» практически все респонденты включили зависть в список «невыражаемых» эмоций [8]. Все вышеизложенное заставляет обратиться к художественной репрезентации зависти в поисках мимического стереотипа данной эмоции.

Возможно, лучшее из описаний внешних проявлений зависти было дано Овидием в «Метаморфозах» [9]:

Грозная дева войны в то место пришла и близ дома

Остановилась, вовнутрь входить не считает пристойным.

*Остроконечьем копья ударяет в дверь запертую;
Вот сотрясенная дверь отворилась. Увидела дева*

*Евшую мясо гадюк – из пороков собственных пищу,
Зависть и взоры свои отвратила от мерзостной.*

Та же

Встала лениво с земли и, змей полусъеденных бросив,

Вон из пещеры своей выступает медлительным шагом.

Лишь увидела красу богини самой и оружья,

Стон издала, и лицо отразило глубокие вздохи.

Бледность в лице разлита, худоба истощила все тело,

Прямо не смотрят глаза, чернеются зубы гнилые;

Желчь в груди у нее, и ядом язык ее облит.

Смеха не знает, – подчас лишь смеется, увидев страданья.

Нет ей и сна, оттого что ее возбуждают заботы.

Видит немилые ей достижения людские и, видя,

Чахнет; мучит других, сама одновременно мучась,

Пытка сама для себя (765–780).

В православной культуре внешние проявления зависти описываются следующим образом: «Завистливых можно узнать несколько и по самому лицу. Глаза у них сухи и тусклы, щеки впалы, брови навислы, душа возмущена страстию, не имеет верного суждения о предметах. У них не похвальны ни добродетельный поступок, ни сила слова, украшенная важностию и приятностию, ни все прочее, достойное соревнования и внимания. <...> Глаза сухие от того, что плакать не могут, брови навислые – недовольны всегда, щеки впалые – сохнут от зависти. Это такой страшный грех, что у людей, страдающих им, даже нарушается метаболизм, и человек выжигает сам себя» [10].

Эти художественно выразительные описания проявлений зависти могут быть использованы в качестве основы для стереотипного проявления «хронической» зависти, когда внешне начинают проявляться определенные физиологические симптомы (сжатие кровеносных сосудов, насыщение крови желчью и т. д.). Изменение цвета лица представляет собой основу для цветовой метафоры зависти (*позеленеть / почернеть / пожелтеть / покраснеть / бледный / черный от зависти*).

В художественной репрезентации мимики зависти преобладает эксплицитный способ описания (т. е. описание внешних признаков кинемы с указанием на ее значение):

У Цаплина от зависти сморщилось лицо.

Венька пожалел друга и сам стал вдалбливать ему задачу (Г. А. Галахова. Легкий кораблик – капустаный листок).

То будто выиграл он двести тысяч и приезжает сообщить об этом Порфишке (целая сцена с разговорами), у которого от зависти даже перекосило лицо (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Лицо Василия Иоанновича искосило завистью и страхом (И. И. Лажечников. Басурман).

Королевич завистливо нахмурился и сказал, что он тоже может написать экспромтом сонет на ту же тему (В. П. Катаев. Алмазный мой венец).

Как видно из приведенных примеров, в художественном описании «лица зависти» отсутствует четкая дифференциация мимических компонентов, что можно, на наш взгляд, объяснить тем, что мелкие проявления зависти тщательно скрываются и, как мы уже писали, мимикрируют под другие эмоциональные проявления, что не позволяет коммуникантам четко различать их. А «острая» зависть в целом переживается как *досада или злость* на того, кто, по мнению завистника, добился незаслуженного успеха [11, с. 320], и именно этот факт объясняет сходство некоторых компонентов мимических стереотипов ненависти и зависти (ср. искаженное ненавистью / гневом / яростью / злобой лицо). Анализ описаний эмоциональных кинем лица в художественных текстах показал, что отражение эмоции зависти осуществляется в высшей степени однотипно с очевидным преобладанием эксплицитного способа описания (89 % примеров). Мимический стереотип зависти в русской лингвокультуре представлен дескрипцией следующих признаков: изменение цвета лица (побледнение или покраснение), сморщивание кожи лица, искажение черт лица, особый – завистливый – взгляд, а также завистливая улыбка: *лицо исказилось, искосило, перекосило завистью / от зависти; завистливое лицо / выражение лица; побледнел / покраснел от зависти; лицо буревит от зависти; завистливый взгляд / взгляд, полный зависти; смотреть с (тайной, тоскливой, злобной, светлой, явной, нескрываемой, некоторой, бессильной, огромной, ревнивой) завистью; завидующие глаза; глаза налились завистью; завистливо прищурил глаза; завистливо закатывали глазки; завистливо косил глаза; завистливо улыбнулся / завистливо ухмыльнулся; усмехнулся с завистью; с натянутой улыбкой зависти.*

Описание эмоциональных кинем глаз заслуживает особого внимания, так как, согласно нашей выборке, зависть чаще всего передается взглядом (69 % примеров). Как известно, глаза являются важнейшим инструментом общения, несущим существенную психоэмоциональную информацию о состоянии человека в момент коммуникативного взаимодействия, ведь зрение – самая информативная форма чувственного восприятия. По мнению В. А. Лабунской, несмотря на то, что психологическая суть контакта глаз может изменяться под влиянием многих переменных, контакт глаз всегда указывает на три основных вида отношений: отношения дистанции, позиции и валентности. Первая группа включает в себя отношения привязанности,

заинтересованности, принятия, которым соответствует частый, интенсивный визуальный контакт, подчиняющийся правилам в соответствии с ролью коммуникатора и реципиента, и противоположные отношения отстраненности, отчужденности, которым соответствует нечастный, неинтенсивный или отсутствующий контакт глаз. Группа отношений «позиция» предоставлена полюсами контроля и подчинения. Первый определяется такими параметрами, как интенсивность и продолжительность смотрения на партнера, особенно в моменты так называемого активного коммуницирования; второй характеризуется «свернутым» контактом глаз, частым и быстрым поглядыванием на партнера, а также настойчивым поиском взгляда партнера. Отношения валентности передаются посредством интенсивности, частоты, длительности контакта глаз, но главным образом через модальность взгляда. Например, враждебность передается посредством таких показателей, как холодность и жесткость, что трудно описать с позиций объективных формально-динамических характеристик [4, с. 284–285]. Глазное поведение людей изучается специальным разделом семиотики – окулесикой, но в настоящей статье мы рассматриваем окулесические знаки в рамках мимики, помня о выводе П. Экмана, что точно определить эмоции *только* на основании информации о глазах, не учитывая общее выражение лица, удастся крайне редко [12].

Завистливые глаза, по мнению многих, пронзительны и колки. Поэтому человек, не желающий продемонстрировать свою зависть, часто пытается скрыть это от собеседника, опустив взгляд, начав чаще моргать, прикрыв глаза, скосив глаза, прищурив глаза.

Женщина завистливо прищурила глаза, когда увидела, что Катин знакомый направился к иномарке (Т. Моспан. Подиум).

Рыжеволосые принцессы ахали, завистливо закатывали глазки, брюхатенький Позье надавал жару... (В. Шшиков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1–2).

Но губы были лживы, они расклеивались, расплавались сами собой. Глаза завистливо косели... И здесь по всему помещению гуляло солнце, но тут оно было дружеское, было заодно с хозяйкой (А. Малышкин. Люди из захолустья).

Стереотипное описание завистливого взгляда, завидующих глаз является, на самом деле, отражением очень древней этимологии самой лексемы «зависть»: здесь прослеживается связь с производным от *завида* – «зависть», образованного от *завидеть* – «завидовать», преф. формы к *видеть*. Развитие значений в *завидовать* и *видеть* аналогично лат. *invidere* «завидовать» и *videre* «видеть» [13, с. 72]. В «Кратком этимологическом словаре русского

языка» указывается, что слово «завидовать» имеет «общеславянское происхождение и образовано на базе общеславянского существительного *завида* – *зависть*, являющегося производным от глагола *завидѣти* – *завидовать*» [14, с. 152]. Поэтому чаще всего художественное описание завистливого взгляда ограничивается простыми формулировками «смотреть с завистью / смотреть завистливо», что вполне достаточно для его правильной интерпретации читателем.

Нина писала, Саша грызла перо и смотрела на соседку злыми, завистливыми глазами (Л. Чарская. Сфинкс).

С невербальной концептуализацией зависти тесно связано представление о дурном глазе или сглазе, так как предполагалось, что несчастья, происходящие с людьми, вызываются теми, кто этими людьми восхищается. На Руси, как и во многих других странах, считалось, что дурным глазом обладают ведьмы и колдуны, а также люди с черными, глубоко посаженными, выпученными, косыми и вообще необычными глазами или какими-либо другими особенностями внешности, а также иноземцы и священники [15, с. 59]. Везде настороженность вызывали люди, у которых радужная оболочка окрашена в разные цвета. На Востоке потеря одного глаза считалась бесспорным признаком дурного взгляда, ибо одноглазый должен завидовать людям с двумя здоровыми глазами. В сказках и легендах различных народов силы зла нередко воплощает одноглазый великан. Таким образом, толкование сглаза связано со способностями колдовать или оказывать злое влияние на другого с помощью взгляда. Считается, что чаще всего сглазу подвержены младенцы и маленькие дети, а самыми «глазливыми» являются бездетные женщины, которые испытывают зависть, глядя на чужое дитя. Не только люди могут стать объектом сглаза – домашнее имущество, скот, урожай также попадают под его влияние.

Представления о сглазе чрезвычайно широко распространены и в современном российском обществе – в Интернете существует сотни сайтов, форумов и т. д., на полном серьезе обсуждающих признаки и симптомы сглаза, способы уберечься от злого глаза или отвести от себя дурной глаз. Многие мамы следуют утверждению, что для защиты от сглаза нельзя пускать к новорожденному никаких гостей в первый месяц его жизни, и В. Райан приводит шокирующий пример, когда в 1998 г. у одной из московских поликлиник похитили грудного ребенка. Младенцу был всего 21 день, и мать не стала входить с ним в поликлинику из-за страха, что его увидят и сглазят! [15, с. 100]

Самыми известными способами предохранения от сглаза считают вербальный способ – произнесение слов «тьфу-тьфу-тьфу», сопровождаемых

(символическим) плевками трижды через левое плечо, а также чтение молитв от сглаза. Кроме этого, популярными средствами от сглаза являются талисманы и жесты-обереги. Среди них первое место по популярности принадлежит сплевыванию [5, с. 405]. В целом само понятие «сглаз» / «дурной глаз» требует изучения как отдельный лингвокультурный концепт, что не представляется возможным сделать в рамках настоящей статьи, поэтому мы ограничимся утверждением, что представления о сглазе являются неотъемлемой частью невербальной концептуализации таких эмоций, как зависть и ревность, поскольку они обе предполагают желание зла другому. Сглаз, дурной глаз и различные многочисленные способы защиты от него нашли отражение в художественных текстах, что свидетельствует о важности данного концепта в русской лингвокультуре и необходимости его тщательного изучения:

Каждые три недели он перед омовением торжественно окунал этот оберег в наполненную водой ванну, что якобы гарантировало защиту от сглаза и неприятностей (А. Кобеляцкий. Когда пальмы были большими).

Но было и имя Мешок, которое, возможно, давалось «от сглаза», по предмету, который был в каждом доме, а следовательно, не мог привлечь к себе недоброго внимания злых людей (А. В. Суперанская. Из истории фамилий).

От сглаза надо двух жаб посадить в банку с пиявками, питать ядовитыми грибами, осыпать хрустальным порошком, добавляя молотый тигровый коготь (М. Гиголашвили. Чертовое колесо).

Одним из мимических компонентов, встречающихся при описании зависти, является улыбка. Завистливая улыбка отличается от искренней, «настоящей» улыбки своей неестественностью – «натянутостью», что можно увидеть по чуть более заметному напряжению и растяжению уголков губ, которые могут быть опущены вниз. При естественной, искренней улыбке как знаке хорошего настроения «сокращается нижняя часть круговой мышцы глаза, при этом поднимается нижнее веко. Когда же она деланная, то улыбаются только губами» [16].

*В сезоны жестокого «безгрибья», когда все «отдыханцы», да подчас и местные жители возвращались из леса с пустыми корзинками, Никита появлялся на территории дома отдыха с корзинницей, доверху наполненной отборными лесными «красавцами», чем вызывал не очень хорошо замаскированную «ахами», «охами» и разного рода комплиментами с **натянутой улыбкой зависть*** (Е. Весник. Дарю, что помню).

Улыбка зависти может иметь вид усмешки или ухмылки, когда человек улыбается одной стороной рта больше, чем другой, – «улыбки, выражающей

насмешку или недоверие» [17, с. 686] – показывающей, что другой, по мнению завидующего, получил что-то незаслуженно.

Вспышки фотоаппаратов, объективы видеокамер, добрые пожелания, завистливые улыбки, язвительные насмешки – все осталось далеко позади, в здании, вестибюль которого украшала статуя Меркурия (М. Милованов. Рынок тщеславия).

Таким образом, невербальная концептуализация зависти в русской лингвокультуре в рамках мимического стереотипа представлена следующими компонентами: описания кинем глаз (завистливый взгляд), лица (перекошенное от зависти лицо),

губ (завистливая улыбка). Относительная «бедность» мимического стереотипа зависти объясняется в первую очередь негативным отношением социума к зависти, а также предписанием этических норм скрывать ее внешние проявления. Грамотный читатель «достраивает» остальные компоненты и визуализирует лицо завистника, используя свой эмоциональный опыт и эмоциональный интеллект. Важнейшим компонентом невербальной концептуализации зависти в русской лингвокультуре являются представления о «глазе или «дурном глазе», детальное изучение которых следует отнести к перспективе дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Куприева И. А. Концептуальные основания формирования значения лексики, номинирующей психические процессы в современном английском дискурсе // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2013. Вып. 10 (138). С. 183–187.
2. Шнякина Н. Ю. Концептуализация обонятельных ощущений в немецкой языковой картине мира (количественный аспект) // Там же. Вып. 3 (131). С. 51–56.
3. Полякова Н. В. Концептуализация атмосферных осадков в селькупском языке в сопоставлении с русским // Томский журн. лингвист. и антропол. исследований. 2013. № 2. С. 69–74.
4. Лабунская В. А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 344 с.
5. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое лит. обозр., 2004. 584 с.
6. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. 480 с.
7. «Школа правды»: как распознать завистника. URL: <http://www.segodnya.ua/ukraine/shkola-pravdy-kak-raspoznat-zavictnika.html> (дата обращения: 05.11.2013).
8. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/397687-100-k-1-kakoe-chuvstvo-nelzja-vyrazit-mimikoj.html> (дата обращения: 03.11.2013).
9. Публий Овидий Назон. Метаморфозы. М.: Худ. лит., 1977. 435 с.
10. Сысоев Д. Беседы о страстях. Зависть. URL: <http://russned.ru/hristianstvo/besedy-i-strastyah-zavist> (дата обращения: 05.11.2013).
11. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
12. Ekman P., Friesen W. V. Unmasking the Face: a Guide to Recognizing Emotions from Facial Expressions. Englewood Cliffs, New Jersey, 1975. 211 p.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. СПб.: Терра: Азбука, 1996. 672 с.
14. Шанский Н., Иванов В., Шанская Т. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1975. 544 с.
15. Райан В. Ф. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. М.: Новое лит. обозр., 2006. 720 с.
16. Шейнов В. П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). URL: http://svitk.ru/004_book_book/7b/1616_hveynov-skritoe.php (дата обращения: 21.10.2013).
17. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. чл.-кор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. 750 с.

Волкова Я. А., кандидат филологических наук, доцент.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Пр. Ленина, 27, Волгоград, Россия, 400066.

E-mail: y.a.v@list.ru

Материал поступил в редакцию 16.12.2013.

Y. A. Volkova

NON-VERBAL CONCEPTUALIZATION OF ENVY IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

In the article, the facial expression constituent of the non-verbal conceptualization of envy in Russian linguistic culture is considered. The major components of the mimic stereotype of envy are specified; ways and means of their language representation are analyzed and systematized as exemplified in literary texts.

Key words: *emotion conceptualization, non-verbal conceptualization, facial expression, mimic stereotype, kineme.*

References

1. Kupriyeva I. A. The conceptual base of meaning formation of the lexical units nominating mental processes in the contemporary English discourse. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 10 (138), pp. 24–32 (in Russian).
2. Shnyakina N. Y. Conceptualization of the olfactory perception in the German picture of the world (quantitative aspect). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 3 (131), pp. 51–56 (in Russian).
3. Polyakova N. V. The conceptualization of the atmospheric precipitation in the Selkup language in comparison with the Russian language. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, no. 2, pp. 69–74 (in Russian).
4. Labunskaya V. A. *Not body language, but soul language! The psychology of non-verbal expression*. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2009. 344 p. (in Russian).
5. Kreydlin G. Ye. *Non-verbal semiotics: language of the body and natural language*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2004. 584 p. (in Russian).
6. Asmolov A. G. *On the other side of consciousness: methodological problems of non-classical psychology*. Moscow, Smysl Publ., 2002. 480 p. (in Russian).
7. "The School of truth": how to recognize an envier. URL: <http://www.segodnya.ua/ukraine/shkola-pravdy-kak-racpoznat-zavictnika.html> (Accessed: 05 November 2013) (in Russian).
8. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/397687-100-k-1-kakoe-chuvstvo-nelzja-vyrazit-mimikoj.html> (Accessed: 03 November 2013).
9. Publius Ovidius Naso. *The Metamorphoses*. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1977. 435 p. (in Russian).
10. Sysoyev D. *Talks about passions*. Envy. URL: <http://russned.ru/hristianstvo/besedyi-o-strastyah-zavist> (Accessed: 05 November 2013) (in Russian).
11. Ilyin Ye. P. *Emotions and feelings*. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 752 p. (in Russian).
12. Ekman P., Friesen W. V. *Unmasking the Face: a Guide to Recognizing Emotions from Facial Expressions*. Englewood Cliffs, New Jersey, 1975. 211 p.
13. Fasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language*: in 4 volumes. Vol. 2. St. Petersburg, Terra, Azbuka Publ., 1996. 672 p. (in Russian).
14. Shanskiy N., Ivanov V., Shanskaya T. *Concise etymological dictionary of the Russian language*. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1975. 544 p. (in Russian).
15. Ryan W.F. *The Bathhouse at Midnight: A Historical Survey of Magic and Divination in Russia*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2006. 720 p. (in Russian).
16. Sheynov V. P. *Hidden manipulation of a person (the Psychology of manipulation)*. URL: http://svitk.ru/004_book_book/7b/1616_hveynov-skritoe.php (Accessed: 21 October 2013) (in Russian).
17. Ozhegov S. I. *Dictionary of the Russian language*. Ed. by N. Yu. Shvedova. 19th edition. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1987. 750 p. (in Russian).

Volgograd State Social-Pedagogical University.

Pr. Lenina, 27, Volgograd, Russia, 400066.

E-mail: y.a.v@list.ru